

После ухода Сюэ Уиня Се Линъи тоже собирался спуститься в капитанскую каюту по делам, как вдруг заметил Оуян Цзиньсиня, который с трудом тащил большую деревянную бочку к носовой палубе.

– Цзиньсинь? – бросив взгляд на сгущающиеся сумерки, Се Линъи, не раздумывая, последовал за ним.

Когда полутораметровая бочка опустилась на палубу, раздался глухой стук. Оуян Цзиньсинь тяжело выдохнул, закатал рукава до локтей и подвернул штанины до колен, после чего взял плававшую в воде деревянную щетку и принялся намыывать палубу.

Работу в море большей частью выполняли на палубе, поэтому поддерживать её в чистоте было чрезвычайно важно, а самым эффективным способом уборки являлась усердная палуба щеткой.

Всплеск за всплеском, удар за ударом – щетка оставляла на досках влажные следы, а на лице Оуян Цзиньсиня постепенно выступали блестящие капельки пота.

Его белые и изящные руки так старательно и усердно драли палубу; глядя на струящийся пот, покрасневшие колени и пальцы, Се Линъи больше не смог сдерживаться, шагнул вперед и прервал его:

– Ты судовой стюард, почему эту работу делаешь ты?

– Ой! – Оуян Цзиньсинь не подозревал, что поблизости кто-то есть, и до смерти испугался. Он испуганно поднял голову и посмотрел на стоявшего перед ним капитана.

Се Линъи взгляделся в эти ясные и чистые глаза, и его голос сам собой стал чуть мягче:

– Мыть палубу – это обязанность матросов.

– Днем они и так устают, ремонтируя корабль, так что мне не трудно сделать это, – сердце забилось с непривычной частотой, Оуян Цзиньсинь затараторил и снова опустил голову, принявшись тереть щеткой доски.

– Разве не ты выполняешь всю кухонную работу: помимо ухода за ранеными, еще и перебираешь рис, готовишь еду, моешь посуду и рубишь дрова? – Се Линъи продолжал смотреть на него с некоторым недовольством. Разве у него при таком раскладе оставалось время на отдых?

– А? – Оуян Цзиньсинь сильно удивился. Откуда Се Линъи знает, чем он занимался на кухне все эти дни?

- Цзиньсинь... - вглядываясь в неизменно опущенную голову Оуян Цзиньсиня, капитанский взгляд становился все тяжелее. - Ты избегаешь меня?

- А? Совсем нет! - его лицо запылало так, будто горело, даже мочки ушей порозовели. Хотя он продолжал отчаянно мотать головой и всё отрицать, Се Линьи ему не верил.

Красивые брови слегка нахмурились, и Се Линьи настойчиво потребовал:

- Тогда посмотри на меня прямо.

Оуян Цзиньсинь всем телом вздрогнул, странное чувство тревоги сдавило грудь, лишая воздуха, и накопившиеся за эти дни раздражение и досада выплеснулись наружу разом.

- По-твоему, в этом кто виноват?! - неожиданно вскинулся Оуян Цзиньсинь и гневно закричал.

Каждую ночь он просыпался от кошмаров - весь в холодном поту, задыхаясь. И пусть днем можно было изнурить себя до такой степени, чтобы ни о чем не думать, во сне спастись не удавалось!

Память тела оставалась до невыносимости живой: жаркое пламя страсти вновь и вновь охватывало его, слегка дрожащие пальцы невольно скомкали простыню под ним, а перед глазами вдруг возникала сцена близости Лекаря Сюэ и Се Линьи. Снова и снова - не во сне, а отчетливо всплывая наяву!

Как же тяжело!

Его сердце металось, как ряска на волнах: то взмывая вверх, то падая вниз, то колотясь быстрее, то замирая. Переживания, тоска и беспокойство качались на этих волнах вместе с ним. Оуян Цзиньсинь не понимал природы этих чувств, оттого мучился еще сильнее.

- Это из-за меня? - в темных глазах Се Линьи читалось крайнее удивление. Он не сводил с Оуян Цзиньсиня взгляда и переспросил: - Из-за меня?

Побудительный тон Се Линьи и его жгучий взгляд заставили лицо Оуян Цзиньсиня вспыхнуть багрянцем.

- Конечно! Разве найдется кто-то второй, кто сотворил бы со мной такое?!

Крикнув это, Оуян Цзиньсинь резко развернулся, чтобы уйти, но случайно наступил на щетку и поскользнулся назад!

- Цзиньсинь! - Се Линьи в один миг оказался рядом и успел вовремя подхватить потерявшего равновесие Оуян Цзиньсиня.

- Ах, - юноша машинально ухватился за рукав Се Линьи. От широких и теплых плеч повеяло легким мускусным ароматом, создавая иллюзию, будто они находятся не на морском судне, а в роскошном дворце, наполненном благоуханием цветов.

- Ты в порядке? - низкий, чарующий голос Се Линьи вернул Оуян Цзиньсиня к реальности.

- Отпусти меня, - донельзя смущенный Оуян Цзиньсинь попытался оттолкнуть руки Се Линьи, обхватившие его за талию.

- На полу скользко, будь осторожнее, - вместо этого Се Линьи прижал его к себе еще крепче и тихонько шепнул на ухо: - Полагаю, я никому не позволю дотронуться до тебя.

Хотя слова прозвучали очень тихо и спокойно, тон был предельно серьезным. Оуян Цзиньсинь замер, а затем отчаянно забился в попытке высвободиться.

- Что ты сказал?! - он думал, что, узнав о его терзаниях, Се Линьи по крайней мере извинится, но... тот и не думал раскаиваться!

К тому же «не позволю дотронуться»? С каких пор он стал чьей-то вещью?!

Поскольку Се Линьи ослабил хватку, Оуян Цзиньсинь легко вырвался. Покраснев до корней волос и вне себя от злости, он тыкал пальцем в Се Линьи и сбился со счета, повторяя подряд десяток «ты, ты...», но последняя фраза застряла в горле, словно он подавился, и вымолвить её не получалось. Он совсем не был похож на самого себя - обычно столь бойкого на язык.

В этот момент он напоминал заносчивого, но совершенно безобидного котенка. Прекрасное и волевое лицо Се Линьи оставалось всё таким же невозмутимым.

- Негодяй! - Оуян Цзиньсинь разозлился еще сильнее, но не знал, что предпринять. Во всем уступая Се Линьи, он мог лишь яростно таращиться на него!

Се Линьи тем временем подошел ближе, наклонился, поднял отлетевшую щетку и бросил её обратно в бочку.

- Чтобы на корабле царил порядок, каждый должен заниматься своими обязанностями. Ты - стюард, вот и не лезь на работу к матросам, иначе поставишь старшего матроса Лю Кэ в неловкое положение.

- А? - Оуян Цзиньсинь вспомнил странное выражение лица старшего матроса в последние дни:

тот вечно собирался что-то сказать, но замолкал, выглядя так, будто застрял между двух огней. Оказывается, всё дело было в этом.

– И еще... – Се Линъи посмотрел на хрупкие плечи Оуян Цзиньсиня, и его голос стал еще мягче: – Не перенапрягайся.

– Кто это перенапрягается? Нечего меня недооценивать! – тут же возразил Оуян Цзиньсинь, после чего подхватил тяжелую деревянную бочку и с грозным видом зашагал к ближайшему люку.

На этот раз Се Линъи не стал его останавливать. Хотя мягкое выражение его лица не изменилось, взгляд успел похолодать, и в нем промелькнула тень одиночества.

Такого выражения лица у него еще никогда не бывало.

Несколько раз он порывался сказать Оуян Цзиньсиню о том, что тому придется сойти с корабля, но каждый раз слова на языке превращались в нечто совсем иное. Се Линъи легко покачал головой: с каких пор он стал таким трусливым?

Нет, его робость и его мягкость распространялись только на одного человека.

Се Линъи прекрасно знал нрав Оуян Цзиньсиня: стоило возникнуть малейшей опасности, как тот бросался на передовую! Впереди ждали беспринципные убийцы, позади – безжалостные пираты, и Се Линъи не смел проявлять ни капли беспечности. Что, если бы тогда он не смог защитить Цзиньсиня?

Проворочавшись без сна несколько ночей, он принял решение отправить Оуян Цзиньсиня с корабля. Даже зная, что тот будет возмущаться и злиться, Се Линъи поступил именно так.

Полночная палуба дышала холодом, и этот морозный воздух, казалось, проникал прямо в сердце, принося с собой легкую боль и густую горечь...

Пять дней спустя, под вечер двадцатого дня шестого лунного месяца, «Дафу», как и предсказывали капитан с лекарем, прибыл на якорную стоянку в Миньчжоу.

Если взглянуть на Миньчжоу на морской карте, оно напоминало баранью голову, чьи два рога обращены к морю Юньсянь, а между ними образовалась естественная гавань, идеальная для швартовки судов.

Берега бухты окружали отвесные скалы, на которых селились тысячи чаек, создавая поистине

величественный и чарующий пейзаж.

Море Юньсянь соединяло северные и южные водные артерии, контролируя горло морской торговли, поэтому по законам государства Цзин у каждого крупного порта полагалось учреждать официальные почтовые станции для приема и отправки гигантских торговых судов со всех уголков света.

Всего таких станций насчитывалось шестнадцать, и в крупных речных и морских узлах вроде Миньчжоу также держали быстрые лодки, с помощью которых чиновники и матросы пересылали депеши.

«Дафу», как и прочие торговые суда, должен был простоять в гавани несколько дней, уплатить морские торговые пошлины, пройти досмотр грузов и судовых журналов у чиновников, и лишь после этого сниматься с якоря до следующей станции.

Благополучно миновав шторм и войдя в гавань, сотня матросов столпилась у бортов, крича, смеясь и переполняясь диким восторгом, в то время как синие флаги «Дафу» реяли на ветру.

В гавани на якоре стояло около сотни судов разных размеров. Заметив входящий в порт корабль, матросы с других палуба повылаживали наружу, с любопытством разглядывая новичка. Казалось, они не верили своим глазам, что в сезон частых и ужасных ураганов какое-то судно могло добраться сюда целым и невредимым.

Под всеобщими взглядами массивный деревянный якорь с железными лапами медленно опустился в воду, и корабль замер в гавани. Атмосфера на борту «Дафу» резко переменилась: четверо пойманных пиратов под конвоем старшего матроса были выведены на помост для наказаний.

Руки у всех четверых были стянуты толстыми пеньковыми веревками. Лица мужчин казались осунувшимися, но держались они вполне бодро. Перешептываясь, матросы бросали на них взгляды, в которых смешивались отвращение и легкий страх – порой пираты казались страшнее урагана!

Воздух наполнился напряжением и тяжестью. Как только Се Линъи объявил, что пиратов передадут властям Миньчжоу, палуба взорвалась бурной волной ликования, однако эта волна еще не схлынула, как Сюэ Уинь отдал новый приказ:

– Судовой стюард Оуян Цзиньсинь послушался приказа капитана не приближаться к трюму и неоднократно вступал в тайные контакты с пиратами. По закону за это полагается сто ударов батогами, но учитывая его заслуги в поимке разбойников, приказываю немедленно высадить его на берег в искупление вины!

Стоило прозвучать этим словам, как матросы переглянулись в растерянности, а стоявший у подножия помоста Оуян Цзиньсинь застыл столбом, словно во сне.

Зато Тянь Фэн, стоявший рядом, заволновался и принялся толкать его в локоть:

– Эй! Ты чего застыл?! Я же говорил, не стоило идти против капитана, ступай скорее вымаливать прощение у капитана!

– А? – эти слова будто вывели юношу из оцепенения. Забыв о всяких приличиях, Оуян Цзиньсинь растолкал стоявших впереди матросов и решительно взбежал на помост.

– Вот и предсказуемо... – заметив, что бледный как полотно и спотыкающийся Оуян Цзиньсинь все же сломя голову бежит вверх, Сюэ Уинь хотел было преградить ему путь, но Се Линьи едва заметно покачал головой, давая понять, что не стоит вмешиваться.

– Почему?! – едва успев восстановить дыхание, срывающимся от эмоций голосом крикнул Оуян Цзиньсинь, так что весь корабль мгновенно погрузился в мертвую тишину.

– Причину Лекарь Сюэ только что разъяснил предельно ясно, – глядя на гневный взгляд Оуян Цзиньсиня, холодно ответил Се Линьи. Его излишне спокойное выражение лица создавало ощущение непреодолимой стены.

Неужели... неужели Се Линьи настолько ненавидел его? Настолько, что во что бы то ни стало стремился выгнать с корабля? Оуян Цзиньсинь сжал кулаки, охваченный жгучей обидой, открыл рот, собираясь возразить, но не смог вымолвить ни звука.

– Если уяснил, отправляйся собирать вещи. Твое жалование Лекарь Сюэ уже полностью выплатил, – бросив это, Се Линьи заложил руки за спину, развернулся и направился к лестнице, ведущей с помоста.

– Я ничего не уяснил!! Как я могу это уяснить... Это чувство... – из-за крика голос Оуян Цзиньсиня почти сорвался на хрип. Сюэ Уинь удивленно обернулся и к своему крайнему изумлению заметил... неужели тот плачет?

Нет, просто глаза покраснели. Оуян Цзиньсинь упрямо сдерживал слезы, но не мог скрыть подступающую боль. Его прозрачные, цвета хрусталя глаза выражали столько скорби и муки, в них вспыхивало нежелание верить происходящему, смешанное с вопросом и гневом!

Сюэ Уинь был ошеломлен этим взглядом. «Неужели...» – с тревогой подумалось ему: «Неужели... Цзиньсинь тоже любит Инь?»

Шедший впереди Се Линьи из-за этого полного слез срывающегося крика невольно замер на месте и обернулся.

– Если сможешь победить меня в бою, останешься, – сухо произнес он.

Но эти слова лишь сильнее лишили краски лицо Оуян Цзиньсиня. Разница в их силах боевых искусств была слишком очевидна, и оба прекрасно это понимали. Оуян Цзиньсинь оцепенел, и горькая волна поднялась из глубины души, заглушая и прежнюю ярость, и безграничное несогласие, перекрывая даже воздух в груди!

– Капитан, прибыла шлюпка с миньчжоускими чиновниками, говорят – на досмотр, – раздался с правого борта голос одного из матросов.

Се Линьи, казалось, не расслышал, продолжая смотреть на бледное лицо Оуян Цзиньсиня, так что Сюэ Уинь ответил за него:

– Понял, пусть поднимаются.

– Ты... – Оуян Цзиньсинь внезапно дернулся. Сжав обе руки в кулаки, он бросился на Се Линьи, тот мгновенно приготовился отразить удар, но вместо кулака в него полетел круглый гладкий камешек!

Се Линьи опешил, разжал ладонь – на ней лежал тот самый нефритовый перстень с кровавой яшмой. Темные глаза капитана резко потемнели.

– Раз ты так не выносишь вид моей рожи! Я уйду сам! Не нужно давить на меня правилами и поединками!! – Оуян Цзиньсинь задрал руки и грубо, раз за разом, вытер глаза.

– Лекарь Сюэ, спасибо за заботу всё это время, – отвесив поклон Сюэ Уиню, Оуян Цзиньсинь большими шагами покинул помост.

В тот самый миг, когда Оуян Цзиньсинь уходил, у Се Линьи возникло непреодолимое желание броситься за ним и крепко прижать к себе, но в конце концов он лишь судорожно сжал перстень, словно держал что-то самое драгоценное на свете, не произнеся ни слова.

Небольшая шлюпка с семью чиновниками причалила у правого борта «Дафу». Все они были одеты в длинные халаты синего цвета, принятые у военных чиновников, а головы защищали от палящего солнца бамбуковые шляпы-доупэ. Услышав, что им везут пойманных пиратов, чиновники несказанно обрадовались и решили сперва отвезти преступников на берег, а уже потом вернуться для проверки груза.

Оуян Цзиньсинь тоже сел в эту шлюпку. У него изначально не было с собой пожитков, а теперь и вовсе нечего было забирать домой – кроме этой удушающей, невыносимой боли в груди.

Матросы тяжело переживали уход Оуян Цзиньсиня, но, не смея ослушаться приказа капитана, лишь столпились у борта, молча провожая взглядами груженую лодку, которая медленно проплыла между стоявших на якоре судов, сделала поворот и скрылась за кормой одного из торговых кораблей.

Сразу после ухода Оуян Цзиньсиня Се Линь с мрачным лицом вернулся в капитанскую каюту, да и на душе у Сюэ Уиня яснее не стало.

Он прекрасно знал историю дорогого перстня с кровавой яшмой – это было единственное, что оставил Се Линь покойный император государства Ся. Из-за обилия детей император относился к Се Линю весьма прохладно, однако тот дорожил памятным подарком и носил его неотлучно.

Отдать столь ценную вещь Оуян Цзиньсиню – истинный смысл этого поступка не нуждался в пояснениях. Брови Сюэ Уиня сошлись на переносице: если бы не высылка Оуян Цзиньсиня с корабля, он всерьез задумался бы над тем, стоит ли отказаться от притязаний на юношу.

Размышления лекаря прервал старший матрос Лю Кэ, доложивший, что открывает трюмы для предстоящего чиновничьего досмотра. Сюэ Уинь кивнул и спустился вместе с ним в трюм.

Се Линь одиноко стоял у окна каюты, вглядываясь в кишачую на причале толпу, а в груди разливалось неизъяснимое чувство утраты.

И все же он не желал своими глазами видеть, как Оуян Цзиньсиня унесет бурей или убьют наемники. Морское путешествие таило в себе слишком много опасностей, к тому же путь, предстоявший самому Се Линю, был куда сложнее.

Что станет, когда они достигнут столицы государства Ся? Оставить Оуян Цзиньсиня в поместье регента, а самому снова вести войска в поход на государство Цзин?

Се Линь горько усмехнулся, вспомнив ту ночь, когда они не смогли совладать с собой.

Оставь он юношу подле себя, подобное наверняка повторилось бы вновь. Представив заплаканное лицо Оуян Цзиньсиня, умоляющего о пощаде, Се Линь понял, что для него самого страшнейшей из угроз был он сам.

Мысленно упрекая себя, Се Линь осознал, что стоило Оуян Цзиньсиню удалиться, как его мысли оказались целиком заняты этим образом. Не умея справляться с незнакомыми чувствами, капитан прищурился, погрузившись в растерянность и глухую тоску.

Свет заката угасал, незаметно прошел целый час. Снаружи капитанской каюты слышался топот множества ног.

Се Линь по-прежнему стоял у окна. В каюту спешно вошли Сюэ Уинь и старший матрос Лю Кэ.

– Капитан, стряслась беда, – без предисловий бросил Сюэ Уинь, и лицо его выражало крайнюю сложность чувств.

А Лю Кэ выглядел откровенно испуганным:

– Только что из Миньчжоу прибыла еще одна официальная шлюпка. Они ударили в гонг и объявили, что государственная лодка, едва отойдя от берега, была захвачена шайкой головорезов. Бандиты отобрали жезл полномочий и сорвали с чиновников одежды. Опасаясь, что злоумышленники воспользуются этим для мошенничества и вымогательства, наместник велел оповестить всех повсеместно.

– Захватили казенную лодку?! – низкий голос Се Линъи дрогнул от изумления.

<http://bllate.org/book/21151/2144313>